

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Всю ночь за окном дрались вороны, а измученный джет-лагом Реми Вадия пытался уснуть в незнакомой кровати. Иногда начинала выть собака, и волосы вставали дыбом от этого заунывного воя. Реми приходилось накрывать голову подушкой. Услышав рев мотоцикла, он взглянул на часы: два пополудни. Через несколько минут почти провалился в сон, как вдруг его разбудили громкие голоса с улицы. Реми тихо выругался и откинул простыню. Наконец, в шесть утра встал и пошел в туалет, хотя боялся разбудить спавших в соседней комнате Джанго и Шеназ, а после вышел на маленький балкончик, примыкавший к спальне.

Он облокотился о перила. Легкий ветерок с плещущегося рядом моря трепал его тонкое муслиновое седре*. Внизу колыхались кроны деревьев. И почему чертовы вороны орут всю ночь? Карканье под окнами пугало и нервировало, но бомбейские птицы были такими же дикими и неуправляемыми, как сам этот город. Взглянув на центральную улицу, он подумал, спит ли мать. Ее многоквартирный дом находился всего в паре улиц от дома Джанго, где Реми

* Седре — традиционная белая нательная рубашка зороастрийцев (мужчин и женщин), сшитая из цельного куска ткани.

остался ночевать после того, как друг встретил его в аэропорту.

Реми зевнул: он прилетел из Колумбуса, штат Огайо, полет был долгий, и он совсем выбился из сил. Потом он напомнил себе, зачем приехал в Индию, и ощутил радостное волнение. Сегодня в десять должна была прийти Моназ, племянница Шеназ. Он подумал, не сбегать ли быстро в душ, но решил, что звук льющейся воды потревожит хозяев. И все же ему хотелось выглядеть презентабельно к приезду Моназ и смыть следы усталости. «Первое впечатление часто бывает последним», как часто говорил его отец.

Отец. При мысли о своем веселом добром папе Реми улыбнулся. Со дня смерти Сируса он впервые приехал домой. Три года они с матерью не виделись, и при мысли об этом Реми почувствовал привычный укол вины. Что ж, через несколько часов он ее навестит; он ничего ей не говорил, решил сделать сюрприз. Может, теперь, когда отца не стало и Реми больше не придется защищать его от претензий и колкостей матери, у них получится сгладить углы.

С ветки вспорхнула одинокая ворона и пролетела мимо балкона. Реми с детства ненавидел ворон: однажды птица напала на него и выхватила бутерброд прямо из рук. Острый клюв рассек ему кожу. Реми потер большим пальцем об указательный, нащупывая бледный шрам, оставшийся от того пореза. Сколько же ему было лет? Они с папой тогда пошли в зоопарк. Счастливый день, завершившийся атакой вороны.

Родители хотели пойти в другое место, но что-то нарушило их планы. Они ругались. Закрыв глаза, Реми вспомнил звуки перебранки, доносившиеся из родительской спальни,

непрерывные и мерные, как дождь. Наконец мать вышла из комнаты; ее глаза покраснели от слез. Маленького Реми захлестнула ярость, он бросился утешать и обнимать ее. И опешил, когда она грубо его оттолкнула.

Сирус вышел из спальни и увидел, что Реми споткнулся и у него на глазах выступили слезы. Его лицо вспыхнуло.

— Как тебе не стыдно, Ширин, — сказал он матери Реми. — Злишься на меня, а вымещаешь зло на невинном мальчишке!

Поток воспоминаний нахлынул, и его было уже не остановить: горе матери сменяется гневом; она обвиняет Реми, что тот притворяется, чтобы отец встал на его защиту; Сирус возмущенно кричит. Мать бросает на Реми язвительный взгляд и запирается в спальне.

Реми спрятался в своей комнате, но через несколько минут дверь открылась, и на пороге возник угрюмый Сирус.

— Неохота ждать, пока Ширин придет в себя, и терять такой хороший день, — сказал он. — Куда хочешь пойти?

Реми, недолго думая, ответил:

— В зоопарк. — Недавно в зоопарке родился слоненок. На прошлой неделе Джанго ходил на него посмотреть и до сих пор не мог успокоиться.

— Идет, — сказал Сирус. — Надевай носки и ботинки.

Они заглянули на рынок и купили для слонов три кокоса и голову пальмового сахара, твердую как камень. Взрослые слоны раскалывали кокосы пополам, наступая на них ногой, и ловко извлекали мякоть. Реми визжал от восторга и смеялся, когда слоненок безуспешно пытался сделать то же самое.

Когда они вышли из вольера, Сирус обнял Реми за плечи.

— Доволен? — спросил он, и Реми кивнул. — Вот и хорошо, — сказал Сирус. — В жизни у тебя только две задачи, сынок, — быть счастливым и следить, чтобы другие были счастливы. Понял?

«Да уж, задачки не из легких», — пронеслось в голове у Реми, но он решил не думать об этом слишком уж долго и удовлетворенно кивнул.

— Да, пап.

У вольера с тиграми у него заурчало в животе. Он смущенно взглянул на отца, но тот лишь улыбнулся, потянулся к сумке и достал бутерброд с курицей, который захватил с собой из дома. Реми откусил кусочек. Вкусно. Открыл рот шире, чтобы откусить еще, и тут захлопали крылья, перед глазами мелькнуло черное пятно, и палец в один миг стал красным. Лишь через мгновение он понял, что бутерброда в руках больше нет, а следом завопил при виде крови.

— Тихо, сынок, тихо, — пробормотал Сирус. — Дай взглянуть. — Он достал платок и забинтовал Реми палец. — Черт. Пойдем отсюда.

Они добрались до квартиры доктора Сурати. Реми уже не кричал, а лишь изредка всхлипывал от боли и негодования из-за украденного бутерброда. Он решил отныне всегда держать в карманах запас мелких камушков и кидаться ими в злых наглых птиц, что в Бомбее встречались на каждом шагу.

— Ненавижу ворон, — буркнул он, а Сирус успокаивающе протянул «ш-ш-ш». Старый друг семьи доктор Сурати усмехнулся.

Реми наложили три шва, а в награду за храбрость отец пообещал на следующей неделе сходить с ним в кино. Дома

Ширин увидела забинтованный палец и тут же бросилась осыпать сына поцелуями.

Настроение его матери менялось, как погода. И все же он надеялся, что все осталось позади: сложная природа их отношений и спешка, с которой он покинул Бомбей после смерти отца, бежав обратно к Кэти в Штаты. Тогда ему казалось, будто он торопится выплыть на берег из волн сумеречного океана, грозивших утащить его на дно. Но в этот раз — впервые в жизни — в родной город его привели не подводные течения прошлого, а обещание будущего.

Когда Реми вышел из душа, остальные уже проснулись. Одеваясь, он услышал грохот кастрюль на кухне и почувствовал запах чая по-персидски: со свежей мятой и лемонграссом. В дверь постучали. Заглянул Джанго в седре и пижамных брюках.

— *Саала**, ты успел сполоснуться? — спросил он, понюхал воздух в комнате и улыбнулся. — Тут все пропахло одеколоном. Хочешь соблазнить мою жену своими американскими штучками?

Реми усмехнулся. Стоило Джанго отпустить одну из своих пошлых шуточек, как вся неловкость, которую он испытывал накануне, боясь стеснить друзей своим присутствием, развеялась вмиг. Этот хорошо сложенный мужчина с намечающимся брюшком по-прежнему был тем самым остряком, который подружился с угрюмым Реми в первый школьный день во втором классе.

* Саала — досл. брат жены (хинди); в переносном значении является аналогом русских слов «черт» или «блин».

— Идем, — сказал Джанго. — Чай готов. Что будешь на завтрак?

— Что угодно. Может, кусочек тоста?

Джанго сердито взглянул на Реми.

— «Может, кусочек тоста?» — передразнил он и хлопнул Реми по спине. Они прошли по короткому коридору в столовую. — Да ты с этой Кэти в тощего кролика превратился, скажешь, нет? *Арре**, *саала*, ты в доме парсов**, а не в монастыре. Если не угощу тебя яйцами, сливками и маслом, мне придется отречься от своей религии!

Реми рассмеялся и покачал головой.

— Ладно, ладно.

Шеназ принесла поднос с тремя чашками чая. Реми забрал его; она поцеловала его в щеку.

— Как спалось, дорогой? — спросила Шеназ. — Кровать удобная?

— Спал сном младенца, — солгал Реми. — Всё замечательно.

— Тебе обязательно сегодня ехать к матери? Может, останешься с нами до самого отъезда?

— Хотел бы, но нет. — Знают ли Шеназ и Джанго о его прохладных отношениях с матерью? Они были его близкими друзьями, но он никогда не обсуждал с Джанго свою семью, хоть в детстве и отрочестве тот и провел в доме Реми

* Арре — индийское сленговое слово, обозначающее возглас удивления или раздражения, в зависимости от ситуации.

** Парсы — живущие в Индии и Пакистане последователи зороастризма иранского происхождения, чьи предки покинули Персию до исламизации (около 720 г.).

много времени. Наверняка от него не укрылось, что Реми с отцом связывали гораздо более близкие отношения. Замечают ли дети такое? Их детство было таким невинным; они с Джанго говорили только о спорте, музыке и девчонках.

— Мы тебе всегда рады, — сказала Шеназ, — ты это знаешь.

Он рассеянно улыбнулся. Шеназ встрепенулась и добавила:

— Окей, *чало**, хочу успеть позавтракать до прихода Моназ. Как насчет акури и французских тостов?

Реми застонал.

— О боже. Акури. От одного названия слюнки текут! — Мама Реми тоже готовила это блюдо — острый омлет с жареным луком и кинзой, посыпанный орехами и изюмом. Обычно они ели его на завтрак по воскресеньям, но Реми иногда просил сделать акури на ужин, и мама ему не отказывала.

— Расскажи о ней, — с набитым ртом попросил Реми. — О своей племяннице.

Джанго и Шеназ удивленно переглянулись.

— Притормози, *йаар***, — ответил Джанго, — полчаса назад ты так скромничал, что кусочком сушеного хлеба завтракать собирался, забыл уже?

Шеназ хлопнула мужа по руке.

— Хватит его дразнить, — она повернулась к Реми. — Моназ... ну как тебе сказать? Типичная студентка. Учится

* Здесь: давайте начнем (хинди).

** дружище (хинди).

хорошо, но ни черта не смыслит в жизни. Родители ее от всего оберегали. Наверно, поэтому все это особенно печально. — Она вздохнула. — Серьезно, Реми, представь — она только на пятом месяце догадалась, что беременна. Как можно быть такой бестолковой?

Реми невольно пожалел девушку, которую даже ни разу не видел.

— Кэти сказала, это не редкость. Криптобеременность, когда женщина только на позднем сроке понимает, что ждет ребенка.

— По-моему, это абсурд, — сказала Шеназ и пожала плечами. — Но, наверно, в девятнадцать я и сама не блистала умом. Моназ говорила, что из-за интенсивных тренировок у нее часто бывают задержки, иногда по несколько месяцев. — Шеназ сделала паузу, а после продолжила: — Слава Богу, ее лучшая подруга из колледжа затащила ее к врачу. Тогда-то она и узнала, что у нее будет мальчик. И сказала нам. Я ушам своим не поверила.

Реми покраснел и уставился в тарелку. Слишком много информации; ему необязательно было знать все эти подробности. Когда ему некоторое время назад прислали на электронную почту фотографию Моназ, он тут же уловил семейное сходство между Шеназ и племянницей: те же прямые темные волосы, пронизательные ясные глаза и пухлые губы. Ребенок будет красавцем, если, конечно, избранник Моназ — не Шрек.

Джанго откашлялся.

— А я целый год пытался помочь вам усыновить местного ребенка. И ни на шаг не приблизился к цели. Реми, ты даже не представляешь, какая тут бюрократия. В этой

стране все делается со скоростью улитки. В конце концов я сказал соцработнице: «*Арре*, мадам, такими темпами мой приятель станет отцом, когда у него седая борода отрастет и выпадут все зубы!» А когда Моназ к нам пришла, я сразу подумал о вас с Кэти. — Он покосился на жену. — Но Шеназ... она несколько дней ничего делать не могла. Была в шоке.

— Ты не знаешь моего брата Фируза, — Шеназ повернулась к Реми. — Они с женой... скажем так, не похожи на нас. Очень консервативная семья из маленького города. Они из Навсари. Если Фируз узнает о беременности, страшно подумать, что он делает.

Реми еле сдержался, чтобы не задать очевидный вопрос: а почему Джанго и Шеназ сами не захотели усыновить ребенка Моназ? Да, Джанго всегда утверждал, что они будут бездетными, что они ценят свою свободу и возможность жить как вздумается. Но появление ребенка в семье порой меняет планы. Они с Кэти лет до тридцати тоже не хотели детей, а в тридцать один год Кэти резко передумала, и он согласился. Тогда они еще не знали, что Кэти не сможет зачать. Реми вспомнил, сколько они потратили на лечение бесплодия — целое состояние. Но все оказалось зря. А потом Кэти предложила усыновить ребенка из Индии, Реми позволил Джанго и попросил помочь.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Шеназ, неверно истолковав его молчание. — Почему Моназ не сделала аборт, да? — Она вглядывалась в его лицо. — Не смогла. К тому же она обратилась к нам на очень большом сроке.

— Все будет хорошо, — Реми обнял Шеназ за плечи. — Это же намного лучше, чем усыновлять чужого ребенка.

Малыш останется в семье. Вы с Джанго сможете приезжать и видеться с мальчиком.

— А еще мы точно знаем, что ребенок — наполовину парс и происхождение у него достойное, — заметил Джанго. — Если бы вы усыновили ребенка из приюта, неизвестно, кто бы вам достался. Сирота из трущоб, скорее всего, с непонятно какой наследственностью, индуист или мусульманин. Парсы редко отдают детей на усыновление.

Реми подумал о том же, когда Джанго позвонил ему в Колумбус, но все же поморщился, когда тот произнес это вслух. Он считал себя прогрессивным, светским человеком. Они с Кэти не отличались религиозностью. Но он признавал, что возможность усыновить ребенка-парса — большая удача. В их маленькой изолированной общине смертность превышала рождаемость: парсы вымирали, по всему миру их осталось меньше ста тысяч. Найти ребенка из богатой и образованной парсийской общины было равноценно чуду. Реми не знал взглядов матери на усыновление, но рано или поздно придется рассказать ей об истинной причине его приезда, а если они возьмут ребенка, чье происхождение будет прозрачным, Ширин наверняка спокойнее отнесется ко всему этому предприятию.

Устыдившись собственных мыслей, Реми сменил тему.

— Мы с Кэти... вы же нас знаете. Мы сделаем всё, чтобы ребенок Моназ — то есть *наш* ребенок — ни в чем не нуждался. Мы станем хорошими родителями, обещаю.

— В этом мы как раз не сомневаемся, — ответил Джанго. — Это будет самый счастливый ребенок в мире. *Арре*, будь я на пару лет моложе, я бы умолял вас с Кэти меня усыновить!

Шеназ с притворной досадой хлопнула себя по лбу.

— Тебе тридцать шесть, а ты по-прежнему ведешь себя как клоун, — вздохнула она. — Боже, помоги мне. — Она взглянула на Реми. — Вернешься в Бомбей к дате родов? Моназ лучше не привязываться к сыну.

За столом вдруг повисла тишина: каждый вдруг осознал, какая серьезная потеря предстоит Моназ.

Реми вздохнул.

— Хотел бы, — ответил он. — Но давайте лучше у нее спросим, когда она придет, и поступим, как она считает нужным. — Он встал. — Пойду отдохну немного.

— Да, поспи, — сказала Шеназ. — У тебя, наверно, джетлаг.

Почти в десять Реми вздрогнул и проснулся. Он причесался и вышел в гостиную ждать мать своего будущего ребенка. Сбоку на шее лихорадочно пульсировала жилка, и он попытался успокоить ее указательным пальцем. Шеназ на кухне отдавала распоряжения повару.

Моназ опаздывала, но не позвонила и не предупредила об этом, и Реми почему-то охватило разочарование. «Расслабься, — подумал он. — Ты не эту женщину собираешься усыновлять, а ее ребенка». Он представил себе маленького мальчика, вразвалочку топающего по двору их дома в Колумбусе, бойкого любознательного малыша в шортах с кармашками и красных кроссовках, и его сердце сделало кульбит. Он заерзал на кресле, не в силах совладать с волнением.

В дверь позвонили. Реми встал и замер; Шеназ открыла дверь и впустила стройную молодую женщину. На Моназ

была белая футболка, голубые джинсы и теннисные туфли. Кожаная сумка небрежно висит на правом плече. Реми с удовольствием отметил, что внешне она ничем не отличается от студентки американского колледжа.

Он улыбнулся, глядя, как девушка обнимает тетю и направляется к нему через длинную прямоугольную гостиную.

— Здравствуй, Моназ, — он протянул ей руку. — Я Реми. Рад знакомству.

Лишь вблизи он заметил покрасневшие глаза, алый, как клубника, нос и дрожащую нижнюю губу.

— Здравствуйте, дядя Реми, — сказала Моназ. — Мне очень, очень жаль.

— Подумаешь, — Реми махнул рукой, — не так уж ты и опоздала.

Девушка растерянно взглянула на него. Казалось, она вот-вот заплачет.

— Мне жаль, что вы притащились сюда из самой Америки. Я решила оставить ребенка.

Глава вторая

Реми оцепенело слушал, как Джанго и Шеназ отчитывают девушку. Та насупилась и обхватила себя за плечи. Он представлял себе разные варианты развития событий, но и предположить не мог, что Моназ изменит свое решение. «Никогда не видел, чтобы Джанго так злился», — подумал он со странным равнодушием. Шеназ плакала и обвиняла племянницу, что та опозорила ее перед старым другом мужа.

— Реми, по-твоему, из Джуху* сюда пришел, пешочком? — распекала ее Шеназ. — Бедняга оставил жену и бизнес в Америке и специально прилетел с тобой знакомиться!

— Но я же с самого начала предупреждала, что сперва должна встретиться с ним, и тогда уже будет ясно, соглашусь я или нет.

— Что? — Шеназ на миг опешила. — Да, верно. Но мы... мы-то думали, все уже решено. — Она снова рассердилась. — Думаешь, ты сможешь найти своему сыну жилье получше, чем дом Реми и Кэти? Помнишь, что я тебе о них рассказывала? Они — образцовые люди. Образцовая пара.

— Шеназ, прошу, — Реми очнулся от оцепенения. — Давайте все выдохнем. — Все повернулись к нему, видимо,

* Джуху — пригород Мумбаи (современное название Бомбея).

надеясь, что он подскажет, что делать, но он молчал. Голова была как ватная, будто от усталости и разочарования ее изнутри затянуло паутиной.

— Позор тебе, что ты так меня подвела, — заключила Шеназ. — Мы не найдем никого лучше Реми.

— Не надо никого искать, — громко произнесла Моназ. — Я же ровно это вам втолковать и пытаюсь. Я оставлю ребенка. Мы с Гауравом поженимся.

Последовало ошеломленное молчание. Три пары глаз уставились на девушку. Та сидела и дрожала, но была полна решимости.

— Чокри*, — наконец выговорила Шеназ, — ты в своем уме? Думаешь, отец разрешит тебе выйти не за парса?

— Мне девятнадцать. Мне не нужно его разрешение.

— На той неделе ты сказала, что этот Гаурав не хочет иметь с тобой ничего общего, — заметил Джанго. — А теперь вы женитесь?

Моназ открыла было рот, чтобы объяснить, но Реми решил, что с него хватит. Личные дела Моназ его не касались. Возможность усыновить ребенка из Индии испарилась, и он чувствовал себя дураком из-за того, что поспешил приехать сюда и возложил все надежды на этого ребенка. Усыновление в частном порядке казалось таким изящным решением проблемы.

— Простите, — он поднялся, — мне... мне надо позвонить Кэти. — При мысли о том, какое разочарование ждет его жену, ему стало плохо. Ведь это она предложила усыновить индийского ребенка. «Ребенок должен быть похож

* Девочка (хинди).

на кого-то из нас, дорогой, — сказала она. — А усыновить белого малыша намного сложнее». Реми тогда напрягся при мысли, что еще одна нить соединит его со страной, с которой он стремился оборвать все связи. Но Кэти так загорелась, что он согласился.

— Реми, подожди! — воскликнула Шеназ. — Я попробую уговорить эту глупую девчонку.

Он покачал головой.

— Всё в порядке. — Он заставил себя посмотреть Моназ в глаза и улыбнуться. — Удачи тебе во всем.

— Простите, дядя, — Моназ вытерла слезы. — Я не нарочно, правда.

— Знаю, — ему стало ее жалко. — Ничего. Я тебя поздравляю.

— *Что-что* она сделала? — переспросила Кэти, ахнув.

— Передумала. Решила оставить ребенка, — повторил Реми.

— Что?

Он замолчал, понимая, что Кэти нужно время, чтобы осознать эти новости.

— Милая, мне очень жаль, — наконец произнес он.

— Ушам своим не верю. Как она могла? Кто дал ей такое право?

Реми не стал напоминать очевидное: никакого письменного договора с Моназ они не заключали, а даже если бы и заключили, не стали бы отнимать ребенка у матери против ее воли.

— Так и знала, что надо было вместе ехать. Может, если бы она познакомилась со мной...

Кэти казалась совершенно раздавленной. У Реми сжалось сердце.

— Ты не могла приехать. У тебя конференция.

— Знаю, — безрадостно ответила Кэти. — Но это гораздо важнее.

— Слушай, — Реми постарался придать голосу беззаботность, — нам еще нет сорока. Мы... Как только я вернусь, подадим на усыновление в Штатах, хорошо? Этот план нравится мне ничуть не меньше.

Кэти вздохнула.

— Это все моя дурная голова. Я просто... решила, что это для тебя важно. Чтобы ребенок был из той же части света, что ты сам.

Его сердце наполнилось любовью к Кэти. Но он не мог объяснить, что ему совсем не хочется поддерживать связь со своей родиной. Когда мамы не станет, даже редким его визитам в Индию придет конец. Жена знала, что отношения у них напряженные, но сама выросла в дружной семье ирландских католиков километрах в пятнадцати от места, где они жили сейчас, и едва ли могла понять его сложные чувства. Он и в Америку-то переехал, чтобы быть как можно дальше от дома, а его воспоминания о детстве были омрачены странной динамикой взаимодействия с матерью и несчастным родительским браком.

— Реми? Ты слушаешь?

— Да, я тут, — ответил он, хотя в тот самый момент готов был отдать что угодно, лишь бы оказаться рядом с ней, в их постели.

— И что ты теперь будешь делать?

— Действовать по плану, наверно. Во второй половине дня поеду к маме. Устрою ей сюрприз. — Он весь напрягся при мысли об этом.

— И пробудешь в Индии все десять дней, как хотел?

— Не знаю. По ситуации будет видно. А ты против?

— Делай что должен, — Кэти задумалась. — Как, по-твоему, она — Моназ — не может передумать?

Хрупкая надежда в голосе жены пробудила в Реми ненависть, и он тут же отругал себя за это.

— Вряд ли, дорогая, — ответил он. — Они с отцом ребенка хотят пожениться.

Повисла внезапная тишина. Они уткнулись в решение Моназ, как в кирпичную стену, через которую никак не перелезть.

— Что ж, — наконец произнесла Кэти, — я пойду. Уже поздно.

Реми знал, что она будет лежать в кровати без сна, мучимая разочарованием, и, понимая, что находится за тринадцать тысяч километров от дома и не может даже обнять жену, вдруг разозлился на бестолковую девчонку в соседней комнате, так бесцеремонно перечеркнувшую их надежды. Зря он позвонил Кэти в такой час. Надо было дать ей спокойно поспать.

— Милая, мне очень жаль, — повторил он.

— Ты не виноват.

— Виноват... Даже не знаю. Я мог это предвидеть.

— Реми, не говори ерунду. Никак не мог.

«Нет, мог», — подумал он, повесив трубку. Именно поэтому его аж передернуло, когда Кэти предложила усыновить ребенка из Индии. Почему он тогда не нашел в себе

силы возразить? Почему не сказал правду? Индия всегда разочаровывала. В его представлении Бомбей был музеем неудач, где собраны разбившиеся мечты и нарушенные обещания. Одни лишь бюрократические проволочки заслуживали отдельного зала. И почему он решил, что усыновление ребенка в этой стране пройдет гладко?

Реми вспомнил, как одним летним вечером они лежали в гамаке на заднем дворе их дома в Колумбусе. Они были женаты уже пять лет. «Какой самый счастливый день в твоей жизни?» — спросила тогда Кэти.

Он знал, какой ответ она надеялась услышать: день их свадьбы. Или день, когда они познакомились на вечеринке в доме Ральфа Эддингтона. Реми тогда жил в Америке всего второй месяц. Но он сказал правду: самым счастливым днем его жизни был тот, когда он получил письмо о зачислении в магистратуру факультета изящных искусств Университета штата Огайо. Это письмо стало его пропуском в новый мир, полный возможностей, и позволило наконец покинуть музей неудач. С тех пор осуществились его самые смелые мечты.

«Уеду раньше, — подумал Реми. — Побуду пару дней с мамой и уеду». После смерти отца за матерью присматривал кузен Реми, Первез, и его жена Рошан. Они жили в том же доме, двумя этажами ниже. Реми встретится с ними и семейным адвокатом, договорится об условиях ухода за Ширин и уедет. Больше его в Бомбее ничто не держит.

Он рассказывал по комнате взад-вперед, сомневаясь, стоит ли идти в гостиную. Вопрос решился сам собой: на пороге его спальни возникла Моназ.

— Здравствуй, — сказал он.

Она вошла в комнату, не спрашивая разрешения.

— Я хотела с вами поговорить. Наедине. — Моназ по-прежнему была на грани слез. — Хотела сказать, что я не плохой человек. Объяснить...

— Не переживай, — ответил Реми. — Это не мое дело.

— Но я правда хочу объясниться. Дядя Реми, когда я узнала о беременности, Гаурав был первым, кому я сказала. Я была в ужасе. Сами знаете, как в Индии относятся к девушкам, родившим вне брака. Гаурав это тоже понимал, но обошелся со мной очень плохо. Сказал, что ни за что не станет отцом, что планировал закончить колледж и поступить в юридическую школу. К тому же у него уже была другая подружка. Он перестал со мной разговаривать. Тогда-то я и пришла за помощью к тете Шеназ.

«А теперь ты за него замуж собралась?» — подумал Реми.

Должно быть, его смятение отразилось на лице, потому что Моназ заторопилась ответить:

— Я знаю, о чем вы думаете. Послушайте, дядя Реми, с тех пор Гаурав изменился. Вчера он пришел с извинениями. На следующей неделе он расскажет о нас своим родителям. Обещал, что женится на мне до рождения ребенка.

Реми посмотрел в большие блестящие глаза девушки и вопреки себе ощутил отеческое беспокойство.

— А твои родители не против? Ведь Гаурав из семьи индуистов.

На лице Моназ промелькнуло сомнение, но она решительно поджала губы.

— Мне все равно. Если хотят увидеть внука, придется смириться со смешанным браком.

«В ней удивительным образом уживаются бесстрашие и страх», — подумал Реми. Моназ ему нравилась.

— Что ж, удачи тебе, — сказал он.

— Спасибо за благословение, дядя, — вежливо ответила она. — Но мне нужно, чтобы вы меня простили. Иначе мой брак будет неудачным. Не хочу строить свое счастье на чужом горе.

Реми внимательно на нее посмотрел. Кажется, она искренне верила в эту примету.

«Американка ее возраста никогда не стала бы так себя вести», — подумал он.

— Мне не за что тебя прощать, Моназ, — сказал Реми. — Поступай, как считаешь нужным.

Она бросилась к нему и обняла.

— Спасибо, дядя. Вы такой хороший. Тетя Шеназ все верно говорила. Удачи вам с женой. Я буду за вас молиться.

Глава третья

Остановившись у двери своей старой квартиры, Реми сделал глубокий вдох и нажал кнопку звонка. Натянул улыбку и еще раз отрепетировал возглас «Сюрприз!», которым планировал приветствовать мать, надеясь, что тогда она не станет злиться, что ее не предупредили о его приезде.

Но дверь открыла не мать, а молодая темнокожая женщина. Его улыбка померкла.

— Да? — сказала женщина. — *Aap kon?**

— Я Реми, сын Ширин-бай**. — Он взял свой чемодан и хотел было войти, но женщина преградила ему путь. — Можно? — Вопрос прозвучал неожиданно резко даже для него самого, и женщина посторонилась.

— А, Реми-сахиб***, — произнесла она. — Узнаю вас по фотографиям. Прошу, заходите. Извините, меня не предупредили, что вы приезжаете. Меня зовут Хема. Я уборщица, прихожу по утрам.

* Кто вы? (хинди)

** Бай — суффикс, который в Индии добавляется к женским именам в знак уважения.

*** Сахиб — уважительное обращение к мужчине в Индии, аналог английского «мистер» или русского «господин». — *Прим. ред.*

Он кивнул, оглядел гостиную и ужаснулся тому, как все обветшало с его последнего визита. Краска на стенах облупилась, по потолку протянулась длинная трещина. Хрустальные вазы покрылись слоем пыли, раздвижные стеклянные окна помутнели от грязи: их не мыли очень давно.

— Мать у себя? — спросил Реми.

Хема нахмурилась.

— Нет, сэр. Она в больнице. Я думала, вы потому и приехали.

Реми похолодел.

— В больнице? Почему? Она упала?

— Нет, нет, сэр. Не падала она. Сильно кашляла, потом поднялась температура. Доктор-сахиб пришел и сказал, что надо в больницу. А до этого она почти ничего не ела. Не заставить было.

— Не ела?

— А как есть, когда целыми днями кашляешь?

Почему Первез ничего ему не сказал?

— Не понимаю. А Первез и Рошан не помогали? — В обмен на уход за матерью он разрешил им бесплатно жить в квартире на третьем этаже и обещал переоформить жилье на них после смерти Ширин. Давно ли они разговаривали? Он даже не помнил, когда в прошлый раз звонил матери. Кажется, на Рождество. Неужели с тех пор они не общались?

— Они никогда не заходят ее проведать, сэр, — продолжала Хема, украдкой поглядывая по сторонам, будто боялась, что Первез и Рошан выскочат из-за угла. — Бедная женщина так болела! Я хотела позвать колдуна и провести изгнание духов, но Рошан-бай запретила.

— Колдуна?

— Да, сэр. В нашем квартале все к нему ходят вместо доктора-шмоктора. Но Рошан-бай не верит в магию. Говорит, дьявольщина это всё.

Реми мысленно поблагодарил Рошан, что спасла мать от колдуна. Но его лицо осталось бесстрастным.

— Значит, она в больнице?

— Да, — подтвердила Хема. — В «Парси дженерал».

— Ясно. — Реми потер лицо, пытаясь убрать следы внезапной усталости. Сел на диван, чтобы немного прийти в себя. — Давно ее увезли, Хема?

— Несколько дней назад, сэр.

— А ты давно здесь работаешь?

— Пару месяцев, сэр. Рошан-бай предупредила насчет характера вашей матери. Но со мной у нее проблем не было. За все время она мне и пары слов не сказала. — Хема понизила голос и добавила: — Она почти не говорит, сэр.

Реми охватила паника. Ширин хлебом не корми — дай поругаться со слугами и раскритиковать их работу. Еще когда папа был жив, через их дом прошла целая армия слуг, и никто не вынес ее постоянных придирок.

— Почти не говорит? — повторил он.

Хема кивнула. Она стояла, нервно выкручивая руки.

— Хотите чаю, сэр? — спросила она.

Он растерянно посмотрел на нее.

— Нет, нет, спасибо. Я только оставлю здесь чемодан, не буду мешать тебе убираться. А сам пойду к Первезу.

— Как хотите, сэр. Раз пойдете туда, отдайте им ключ вашей матери. А я захлопну дверь, когда буду уходить. Рошан-бай выдает мне ключ каждое утро, и я сама отпираю

замок. Прихожу каждый день около десяти. Вы же не против?

— Конечно. Работай, как привыкла.

Хема хотела было поднять его чемодан, но он отмахнулся. «Моя ноша, мне ее и нести», — подумал он и мрачно усмехнулся случайной метафоре, направляясь в свою бывшую детскую.

Реми спустился на два лестничных пролета и позвонил в дверь квартиры Первеза.

Тот открыл и ошеломленно вытаращился на гостя.

— *Арре*, Реми, — выпалил он. — Ты какими судьбами в Бомбее? Добро пожаловать, брат. Заходи.

Переезд в квартиру в престижном районе Непин-Си-Роуд благоприятно отразился на Первезе. Он пополнил килограммов на десять, приобрел уверенный вид и перестал быть похожим на испуганного тощего цыпленка. Он уволился с прежней работы в банке и стал партнером в преуспевающей компании по производству игрушек. Кузен был всего на несколько лет старше Реми, но они никогда не были близки. Брат отца, Фарух, умер молодым, и Первеза отправили в школу-интернат. Отец Реми ежемесячно присылал матери Первеза чек на содержание, но в остальном семьи почти не общались.

Реми окинул взглядом жилье Первеза, точнее, свое — ведь оно все еще принадлежало ему. Стены недавно покрасили, мебель была дорогая, в гостиной висела роскошная люстра. Эта просторная светлая квартира не имела ничего общего с тесной конурой, в которой Первез и Рошан жили три года назад. Реми прекрасно помнил

узкую двуспальную кровать в углу, старомодный платяной шкаф, занимавший треть комнаты, металлический шкафчик для бумаг, маленький столик и два складных стула на крошечном балкончике. Стопки одежды, сваленные прямо на пол.

— Как ты узнал, что Ширин в больнице? — спросил Первез. — Новости редко выходят за пределы общины. Давно ты в курсе? Надо было позвонить мне, брат. Я бы встретил тебя в аэропорту.

Реми решил не раскрывать истинную цель своего приезда. Он придумывал уклончивый ответ, но тут в комнату зашла Рошан, крепко его обняла и поцеловала.

— Вот это неожиданность, — сказала она. — Заходи, садись. Что будешь пить? Сок? Ананасовый, манго, гуавы?

Рошан обращалась к нему как к давнему другу, хотя они были почти не знакомы: он впервые встретил ее, когда приходил в их старую квартиру. Может, они сблизилась за годы постоянных телефонных разговоров о матери и о жилье? Рошан вела себя так, будто считала, что они уже расплатились с Реми и ничего ему не должны.

Вот только не похоже, что в эти месяцы они с Первезом заботились о матери.

— Почему мама в больнице? И почему вы мне ничего не сказали?

— Ей поставили тиф и пневмонию, — ответил Первез. — У нее каждый вечер поднималась температура, а она нам ничего не говорила. Врач посоветовал ее госпитализировать, дома оставаться было нельзя.

Тиф? Им еще кто-то болеет? Реми думал, тиф давно искоренили.

— В ее возрасте пневмония может быть опасна, — начал он.

Первез задумчиво вздохнул.

— Слушай, босс, я же не могу заботиться о ней с утра до вечера. У меня бизнес, как и у тебя. Ширин знала, что в случае чего нам всегда можно позвонить. Я не виноват, что она не звонила.

— Первез... — Реми замолчал и попытался совладать с собой. — Разве ты не навещал ее время от времени? Не увидел, что она болеет? Я ведь для этого и попросил тебя жить с ней в одном доме.

Он произнес это как можно мягче, но заметил, как Рошан поморщилась.

— Ты, видно, забыл, какой сложный человек твоя мать, — заметила она. — В последний год она перестала открывать нам дверь, когда мы стучались. А если мы заходили сами, она с нами не разговаривала. С этой женщиной невозможно общаться.

— Понимаешь, босс, — добавил Первез, — даже когда Ширин была здорова, она грубила моей жене. Дошло до того, что год назад я запретил Рошан к ней подниматься. «Довольно, — сказал я. — Отправляй ей обед и ужин, а дальше пусть сама. А если уволит очередную служанку, пусть выкручивается как хочет».

Реми сглотнул.

— А почему вы мне ничего не сказали? — спросил он, а сам подумал: — «Но мы ведь об этом и договаривались — что вы будете мириться с ее капризами. Я честно предупредил, что мать не подарок».

Рошан покосилась на мужа.

— *Арре*, зачем нам тревожить тебя на другом конце света? Ты же ни разу не навестил мать после смерти отца. — Ее тон изменился. — Хочешь сказать, ты приехал бы, узнав, что она нагрубила жене кузена?

«Шах и мат», — подумал Реми, хотя ему было неприятно это слышать.

— Простите, — пробормотал он, — дел в рекламном агентстве было невпроворот...

— Нет-нет, мы понимаем, — поспешил успокоить его Первез. — Бизнесом надо заниматься, Реми. Как бы то ни было, мы решили проблему.

— Как?

— Через несколько дней Ширин опомнилась, *йаар**. Сама к нам спустилась и вела себя как ни в чем ни бывало. С Рошан говорила вежливо.

Первез торжествующе улыбнулся, и Реми ничего не оставалось, кроме как улыбнуться в ответ. Но он злился на брата за то, что тот подверг мать такому унижению. Ей было семьдесят лет. Она от них зависела. А они решили ее проучить; неужели это было так уж необходимо? С другой стороны, он отказался от сыновних обязанностей, так вправе ли он их винить?

Его накрыло волной усталости и сонливости, и он попытался ее побороть.

— Так что представь, в каком шоке мы были, когда она вдруг перестала разговаривать, — продолжала Рошан. — Она же раньше так громко кричала на слуг, что слышно было через два этажа! А тут вдруг раз — и замолчала.

* дружище (хинди).

Реми встревожился.

— Как это?

Рошан нахмурилась.

— Я думала, ты ему сказал, — обратилась она к мужу и повернулась к Реми. — Она не разговаривает. Вообще.

— С каких пор?

— С тех пор, как... Не знаю. Три, может, четыре месяца. Надо было уже тогда сводить ее к врачу. Но мы не думали, что она больна, пока не начался этот кашель. И даже тогда она наотрез отказывалась выходить из квартиры. — Она задумчиво потерла щеку. — *Baan pe!** В жизни не слышала, чтобы кто-то так сильно кашлял. Как туберкулезник.

Реми еле справлялся с гневом.

— Скажи, Рошан, — тихо продолжил он, — неужели тебе не показалось странным, что она перестала говорить? Почему ты не попыталась выяснить, что не так? Настоять, чтобы она пошла к врачу?

— *Арре*, даже армейский генерал не заставит твою мать делать то, чего она не хочет, — Рошан повысила голос. — Нам удалось отвезти ее в больницу лишь потому, что она упала в обморок, а доктор Локханвала согласился приехать на вызов.

Реми повернулся к кузену. Первез невозмутимо посмотрел на него. В голову закралась тревожная мысль: что, если, пообещав этой парочке квартиру на третьем этаже после смерти матери, он ненароком подстегнул их халатность? Он вспомнил, как ему хотелось поскорее убраться отсюда

* О боже! (хинди)

в последний приезд. Может, из-за этого нетерпения он потерял осмотрительность?

Первез заерзал, словно прочитав его мысли.

— Слушай, кузен, — сказал он, — я не звонил, потому что не хотел беспокоить тебя в Америке. Надеюсь, она скоро будет дома.

Реми закусил нижнюю губу, борясь со слезами. Он попытался сбросить свои семейные обязанности на эту пару, и вот оно, его наказание. После возвращения в Колумбус ему придется снова довериться Рошан и Первезу. «Но сейчас ты здесь», — напомнил он себе. Скоро он сможет лично оценить состояние матери.

А какой она ему показалась, когда он звонил на Рождество? Реми попытался вспомнить. Да, она была не особо разговорчива. Но он звонил из машины по пути к дому тещи и невнимательно слушал. Он не помнил, чтобы Ширин кашляла. А может, кашляла, но отмела его беспокойство и сказала, что всему виной грязный бомбейский воздух. А он купился на эту уловку.

Он допил сок и отодвинул стул.

— Спасибо. Мне пора. Хочу навестить мать в больнице.

— У меня сегодня выходной. Если подождешь, пока я переоденусь, я тебя отвезу, — предложил Первез.

— Нет, — сказал Реми, — это ни к чему. Я поеду на такси.

Первез внимательно посмотрел на него и пожал плечами.

— Как скажешь.

Реми поднялся в квартиру матери. Его потрясла враждебность в голосе Рошан, когда та говорила о Ширин. «Но даже ты, ее плоть и кровь, не можешь с ней общаться, — напомнил